

Сергей Изуграфов
Голубой алмаз Будды

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов
Голубой алмаз Будды.
Детективная серия
«Смерть на Кикладах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22571131
ISBN 9785448359439

Аннотация

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. И вот снова очередное преступление ставит полицию в тупик...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	14
Часть вторая	31
Часть третья	40
Часть четвертая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Голубой алмаз Будды

Детективная серия

«Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

*Истина тверда, как алмаз, и нежна, как цветок.
Махатма Ганди, «Моя жизнь».*

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4483-5943-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Человек смертен, и это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!

М.А.Булгаков, «Мастер и Маргарита».

На острове Наксос, находящемся в самом центре Кикладского архипелага, в незапамятные времена разбросавшего, словно впопыхах, клочки своей суши в произвольном порядке по всей глади Эгейского моря, наступил поздний вечер.

Темнота сгустилась над пляжем, откуда еще час назад так прекрасно просматривались врата храма Аполлона – местная достопримечательность; темнота повисла и над променадом вдоль набережной Айос Георгиос, нарушаемая лишь огнями таверн, где надолго засиделись припозднившиеся

гости; плотным темно-сиреневым покрывалом она окутала и старый город Бурго на холме, над которым косым серпом вставала молодая луна, народившаяся всего три дня назад и потому светившая недостаточно ярко, чтобы разогнать тьму южной ночи. Остров медленно, но верно погружался во мрак.

Черные контуры мерно покачивающихся на волнах рыбацких лодок и яхт в марине уже едва можно было различить на фоне темного неба и воды, словно слившихся воедино.

С моря сегодня уже никто не придет: слава Богу, ни один из рыбаков не сбился с пути домой, благополучно возвратившись к своей семье. Утомившись после трудного дня, рыбаки давно спят – им вставать через несколько часов, еще затемно, и снова идти на промысел: таверны требуют свежую рыбу каждый день. А чужаку к острову идти ночью небезопасно: есть и скалы, едва торчащие из воды, непредсказуемые береговые течения и бухты с опасными мелями, – море есть море!

Влюбленные парочки, ходившие по древнему местному обычаю встречать закат у Портары¹, наблюдая, как в проеме огромной прямоугольной арки багровое закатное солнце опускается в воды потемневшего моря – именно в этот момент влюбленные, по преданию, должны слиться в страстном поцелуе, чтобы любовь их длилась вечно, – тоже уже вернулись и разошлись по домам.

---

¹ бывшие врата храма Аполлона (прим. автора)

Последний паром из Афинского порта Пирей прибыл на остров по расписанию больше двух часов назад, и его пассажиры давно и благополучно разместились по отелям, гостиницам и небольшим, но уютным виллам.

Как всегда, южный вечер пришел на остров вместе с оглушительным треском неугомонных цикад, мерным шумом прибоя и ароматами чудесных блюд греческой кухни, приготовленными местными умельцами-поварами.

На улочке Апиранто, что расположена выше по холму в десяти, от силы – пятнадцати минутах ходьбы от порта Хоры, – главной морской пристани острова, – зажглись фонари, освещая и саму пустынную улицу, и стены домов, и вилл, в белоснежной побелке, с ярко-синими, по местному обычаю, калитками, дверьми и ставнями.

Все жители Наксоса – и коренное население, и ставшие островитянами по воле отпускного случая, – уже отужинали и сейчас наслаждались отдыхом за рюмочкой местных дижестивов²: ракомело – ракии, куда местные любят добавлять тимьяновый мед, окрашивающий напиток в цвета темного янтаря, и китрона – крепкого ликера из одноименного фрукта, похожего на лимон, но нежнее и слаще. Кому что нравится!

На улице тихо играла музыка, скорее европейская, чем местная: Тото Кутуньо негромким мелодичным речитати-

---

² дижестив (от лат. *digestivus*, фр. *digestif* – средство, способствующее пищеварению) – общее название напитков, подаваемых в конце еды (прим. автора)

вом рассказывал о непростой судьбе «настоящего итальянца»³ на родине «спагетти аль денте»⁴, канареек и девушек по имени Мария.

Песня доносилась откуда-то сверху, из небольшой башенки в венецианском стиле на третьем этаже одной из вилл, где светилось большое распахнутое окно, а скорее – даже стеклянная балконная дверь, и временами можно было увидеть силуэт мужчины, ходившего по комнате.

Мужчина был выше среднего роста, хорошо сложен и подтянут, а когда он поворачивался в профиль, по его отменной выправке можно было догадаться, что часть своей жизни он однозначно провел на военной службе.

Было слышно, как на столе зазвонил телефон, мужчина протянул руку и снял трубку аппарата.

– Слушаю, Смолен! – верный многолетней привычке, не задумываясь, ответил мужчина по-русски. – Катерина? Отлично! Да, я просил Соню передать тебе, чтобы ты со мной связалась. Да, я помню, что завтра у нас очередной заезд. Да, да, я в курсе, что в номерах все готово, Соня уже доложила. Я о другом: в пятницу день рождения у старшего инспектора Антонидиса. Мы с Соней уже голову сломали, думая, что ему подарить. А осталось всего пять дней. Мне нужна твоя помощь... Нет, сейчас предлагать не нуж-

---

³ «Italiano vero» – итал. – песня Тото Кутуньо (прим. автора)

⁴ итальянский способ варки спагетти – внутри паста должна оставаться твердой (прим. автора)

но! Подумай до завтра, посоветуйся с Костасом, с родителями, а завтра – обсудим! Нужен хороший, толковый подарок от всех нас, – такой, чтобы запомнился надолго! Спасибо, все, спокойной ночи! Ах, ты дежуришь сегодня? Тогда спокойной смены! Все, отбой!

Мужчина – судя по разговору, владелец виллы – вышел на балкон и какое-то время молча любовался звездным небом, думая о чем-то своем. Тем временем Тото Кутуньо сменил американский романтик Энди Вильямс с песней «Moon river»⁵.

Мужчина какое-то время слушал песню, потом чертыхнулся, вернулся в комнату и в сердцах выключил что-то на столе. Песня смолкла.

Стоя у стола, владелец виллы нервным движением растер левый висок, который его, очевидно, беспокоил, вздохнул, протянул руку к книжной полке, снял увесистый том, открыл его на странице, что была помечена закладкой, и уселся в большое кожаное кресло спиной к распахнутой балконной двери.

Он не заметил, как спустя десять минут, словно выпав из темноты переулка, на улочке Апиранто неожиданно появилась нескладная мужская фигура, одетая в приличный светлый костюм, которая вела себя крайне странно: вздрагивая и пошатываясь, будто ноги его заплетались и не держа-

---

⁵ «Лунная река», песня Генри Манчини на слова Джонни Мерсера, написанная в 1961 году (прим. автора)

ли в коленях, мужчина лет семидесяти медленно двигался вдоль забора, постанывая, словно от боли, и держась обеими руками за его шершавую поверхность, чтобы не упасть. Добредя до калитки, рядом с которой в толстой беленой стене была вмонтирована фаянсовая табличка с синей надписью «Villa Afrodita», словно из последних сил, он утопил указательным пальцем кнопку звонка и прислонился лицом к калитке.

Из домофона раздался голос дежурной Катерины, бодро приветствовавшей звонившего и по-гречески, и по-английски. Администратор ресепшн поинтересовалась, чем она может служить посетителю в столь поздний час.

– Откройте, пожалуйста, дверь, – произнес после паузы мужчина хриплым, надтреснутым голосом по-английски. – Мне нужна помощь!.. Я... Я умираю!.. Но дело не в этом, дело совсем в другом: надежды больше нет! Это грандиозный подлог! Я не мог ничего поделать, понимаете? Я не знал, зачем им понадобилась копия. Я хочу, чтобы вы знали и рассказали другим: надежда исчезла, ее больше нет! Сообщите это! Я должен все рассказать, понимаете? Откройте же дверь! Откройте, это важно, умоляю!..

В кабинете на третьем этаже снова зазвонил телефон. Мужчина какое-то время слушал молча, потом бросил трубку на рычаг телефона и быстро выбежал из комнаты. Через пять минут раздались быстрые шаги, словно несколько человек сбегали вниз по лестнице к калитке. Дверь калитки рас-

пахнулась, и странный незнакомец без сил упал на руки людям, стоявшим по другую сторону забора.

– Так, Катерина! – скомандовал мужчина средних лет, держа без видимого усилия тело незнакомца на руках и разглядывая бледное, как мел, лицо нежданного гостя. – Бегом обратно на ресепшн, звони «Парамедикам», пусть немедленно выезжают! И носи аптечку!

Покивав головой, дежурная стремительно умчалась вверх по лестнице.

Владелец виллы, аккуратно придерживая голову таинственного посетителя, постарался уложить его удобнее на мягкую траву газона.

В этот момент ему показалось, что его рука, касавшаяся затылка мужчины, испачкана в чем-то теплом и липком.

Рассмотрев руку внимательней в свете фонаря, он увидел темную кровь.

– Ах, чтоб тебя! – выругался он сквозь зубы и крикнул вслед убежавшей дежурной: – Катерина, аптечку, бинты, быстро!

И, обратившись к нежданному посетителю, заметил:

– У вас на голове кровь, разрешите, я осмотрю вашу рану!

– Нет, – слабо возразил раненый, приходя в себя и отводя его руку, – поздно, я потерял слишком много крови... Вы должны запомнить: надежды нет! Они меня убили, потому что я все понял... Я догадался! Стразы! Вы их найдете!.. Потом... Муассанит! Запомните, муассанит! Это все объясня-

ет: результаты тестов, все!..

– Кто вы, откуда, как вас зовут? – настойчиво обратился к нему владелец виллы, не обращая внимания на его слова, произнесенные заплетающимся языком, словно в горячем бреду. – Кто вас ударил, как это случилось?

– Меня?.. Неважно! Холландер, профессор Холландер, документы там, в пиджаке, – мужчина попытался повернуться, но застонал. – Музей... естественной истории!.. Черт с ними... Потом!.. Запомните и передайте другим: надежды больше...

В этот момент раненый вдруг судорожно вздрогнул всем телом, затем тело его обмякло, а взгляд широко раскрытых глаз застыл.

Сбежавшая вниз дежурная, держа в руках аптечку и бинты, взвизгнула было от страха, глядя на расprostертое на газоне мертвое тело, но тут же зажала себе рот ладонью.

– Иди, Катюша, иди, – глухо проговорил, выпрямившись, владелец виллы. – Возвращайся за стойку. У нас есть гости, и им может понадобиться помощь консьержа. Здесь тебе больше делать нечего, дальше я сам.

Он проводил взглядом испуганную дежурную, потом достал из кармана пиджака айфон и, быстро набрав нужный номер, мрачно произнес в трубку по-английски:

– Старший инспектор? Смолев говорит. Боюсь вас расстроить, но нас с вами ждет бессонная ночь. Да. Убийство! Что? Вас это совершенно не расстраивает? Даже напротив?

Ну, знаете, старший инспектор... Не могу разделить с вами вашего восторга. У меня на эту ночь были совсем другие планы... Вот именно! Вилла «Афродита». Умер у меня на руках. В том-то все и дело! Приезжайте! Да, вот еще что: вызывайте своих экспертов. «Скорую» мы уже вызвали. Жду, спасибо!

Закончив разговор, он еще какое-то время молча стоял над телом профессора Холландера, потом посмотрел куда-то вверх и, сокрушенно покачав головой, произнес загадочную фразу:

– И как это называется? Когда я говорил о подарке, я имел в виду совсем другое!

Часть первая

*Благодаря твоим сомнениям
совершенствуется мир.
Шри Ауробиндо, индийский мыслитель.*

Для владельца виллы «Афродита» утро началось рано: в планах на день значилось посещение своего виноградника в долине, которым Смолев давно собирался заняться вплотную. Накопилось много вопросов, которые требовали ответов, но дела все не отпускали Алекса в долину. Наконец-то этот день пришел!

Он предвкушал, как увидит стройные ряды молодой лозы, за которой уже несколько месяцев так внимательно и трудолюбиво ухаживает его друг и помощник Димитрос, управляя виноградником в отсутствие хозяина. Но это отсутствие что-то совершенно неприлично затянулось.

Если Смолев и правда хочет вырастить отменный урожай винограда и сделать свое вино, то самое время начать разбираться в нюансах островного виноградарства.

Еще неделю назад они должны были обсудить с молодым Аманатидисом какие именно сорта стоит высадить на «экспериментальном участке» – пологом горном склоне, что по совету старого и опытного Иоанниса Спанидиса друзья отвели для тестирования привозных сортов. Опять же Иоан-

нис обещал провести со Смолевым мастер-класс, показать, как именно надо ухаживать за лозой, как ее необходимо правильно обрезать и подкармливать.

Далеко не к каждому «чужаку» лучший винодел острова проникнется таким доверием. Долше откладывать просто невозможно. Все, хватит, его управляющая – Рыжая Соня справится здесь и без него, а в таверне и на кухне царит Петрос – повар от Бога. Манн вернулся в Афины, уже несколько дней от него нет вестей. Если бы не вчерашнее трагическое происшествие с Холландером, состояние Смолева можно было бы с чистой совестью определить как безмятежное. Но и теперь он был твердо настроен не дать этому происшествию спутать свои планы.

Поэтому Смолев проснулся ни свет ни заря, быстренько принял душ и спустился на завтрак, который для него накрыли отдельно за хозяйским столиком на нижней террасе виллы.

Но не успев выпить и первую чашку кофе, Алекс с удивлением заметил знакомую мешковатую фигуру, маячившую у входа.

– Проходите, старший инспектор, проходите, не стесняйтесь, – дружелюбно произнес Смолев, приподнимаясь из-за стола и призывно маша рукой начальнику уголовной полиции острова, который тоскливо застыл на пороге террасы, переминаясь с ноги на ногу, никак не решаясь войти и потревожить владельца виллы во время завтрака. – Давайте позав-

тракаем вместе! Пожалуйста, присаживайтесь, вот как раз свободный стул! Прошу! Кофе?

Старший инспектор благодарно кивнул и скромно присел на краешек стула, устало обмахиваясь огромным белоснежным платком, больше похожим на среднего размера наволочку.

Теодорос Антонидис, будучи по происхождению греком с севера материка, где зимой температура могла упасть и до минусовых значений, – совершенно немыслимое дело для Киклад, – никак не мог акклиматизироваться и привыкнуть к погоде на острове: он беспрестанно потел и носил с собой дюжину платков, перекладывая их по мере использования из правого бездонного кармана своего мешковатого льняного костюма в столь же вместительный левый.

Смолев кивнул официантке, которая обслуживала хозяйский столик, и перед стеснительным полицейским на столе быстро возникли все необходимые приборы для завтрака и большая кружка дымящегося ароматного напитка, черного с двумя кусочками коричневого виноградного сахара: вкусы инспектора полиции были хорошо знакомы обслуживающему персоналу виллы.

– Доброе утро, благодарю вас, Алекс, – проникновенно произнес Теодорос Антонидис, делая большой глоток из кружки и блаженно жмуря глаза от удовольствия.

Несколько минут они завтракали в полном молчании, отдавая должное трудам повара.

Вернее сказать, завтракал Алекс: он съел небольшой омлет с копчеными колбасками, пару круассанов и на десерт – легкий местный йогурт со свежей клубникой.

Старший инспектор, похоже, еще не успевший как следует проголодаться, с наслаждениемпил кофе кружку за кружкой.

По покрасневшим белкам его глаз, бледному лицу и, особенно, по помятому костюму Смолев сделал вывод, что полицейский, скорее всего, еще не ложился. Видимо, бедолага мотался всю ночь между местом преступления, полицейским участком и больницей, где местный патологоанатом проводил вскрытие погибшего профессора Холландера. Возможно, ему удалось в лучшем случае прикорнуть на несколько минут в ожидании заключения патологоанатома или в полицейском автомобиле, или на неудобных металлических стульях в морге, свернув свой пиджак и подложив его под голову. По всему было видно, что прогноз Смолева по поводу ожидавшей старшего инспектора бессонной ночи оправдался на все сто.

Сам владелец виллы «Афродита», впрочем, тоже заснул глубоко за полночь, вернувшись на виллу лишь после того, как закончил в полицейском участке все формальности в связи с возникшими трагическими обстоятельствами. Он дал подробные свидетельские показания, ничего не забыв и, уж тем более, не утаив.

Смолев, будучи сам в прошлом офицером специальных

служб, с уважением относился к местной полиции: ребята здесь толковые, старательные. Хотя и невелик штат местного полицейского участка – сам старший инспектор, два сержанта и три эксперта, – все, кроме инспектора, были уроженцами Наксоса, знали остров как свои пять пальцев и умели работать с местным населением. Вполне профессиональная команда! Старший инспектор – так просто энтузиаст своего дела, и хоть по характеру скорее мягкий и застенчивый, но в профессиональных его качествах Смолев не сомневался ни минуты.

– Благодарю вас от всей души! Кофе – именно то, что мне было нужно, чтобы прийти в себя! – наконец вымолвил утренний гость. – А у вас на вилле «Афродита» умеют его заваривать особенным образом! После бессонной ночи – это просто первая необходимость... Очень, знаете ли, бодрит! Сейчас редко встретишь тех, кто знает в этом толк!

– У вас у самого в полицейском участке неплохой кофейный аппарат, Теодорос, – заметил Смолев, искоса поглядывая на раннего гостя. – И сорта кофе отменные. Я помню, вы меня как-то угощали отличным эспрессо Мауро, кажется? Но, судя по тому, что вы им сегодня утром еще не воспользовались, в участке вы еще не были. Отсюда я делаю вывод, что результаты экспертизы еще не готовы, – иначе вы непременно сначала заглянули бы к экспертам, а потом уже ко мне на виллу. Думаю, что вы из госпиталя проследовали прямиком сюда, я прав? Отчего же такая спешка, дорогой

старший инспектор? Что вы скрываете во внутреннем кармане пиджака? Заключение патологоанатома? А не достаёте его потому, что боитесь мне за завтраком испортить аппетит? Доставайте! Во-первых, я уже почти закончил завтракать, а во-вторых, у меня луженый желудок.

– Вы очень проницательны, Алекс, – вздохнул старший инспектор и сразу весь как-то сник. – У меня такое ощущение, что я запутался. Знаете, как бывает порой? Ищешь ниточку, которая помогла бы распутать весь клубок, а ее нет, – так большая часть времени уходит именно на то, чтобы ее найти.

– А здесь? – поинтересовался Смолев с улыбкой, наливая в свою кружку еще кофе из металлического кофейника.

– А здесь этих ниточек торчит из всех щелей неограниченное количество, – бери и тяни за любую! – устало и немного раздраженно махнул рукой полицейский. – Но начинаешь тянуть – они все короткие и рвутся, как гнилая пряжа!

– Да вы поэт, старший инспектор! – шире улыбнулся Смолев. – Ну, расскажите, что же вас смущает?

– Хорошо, – решился Антонидис и достал из внутреннего кармана пиджака сильно помятый лист бумаги формата А4, сложенный вдвое, развернул его на скатерти и смущенно разгладил ладонями. – Вот, послушайте заключение патологоанатома: «...смерть наступила вследствие травмы затылочной кости. Причина смерти: закрытая черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью, приведшая к геморрагиче-

скому insultу». Другими словами, убитого ударили сзади по голове...

– Или он ударился обо что-то сам, – продолжая за инспектором фразу, предположил Смолев. – Такого тоже нельзя исключать. Что пишет патологоанатом о характере раны? Есть какие-то зацепки?

– Да, да, вы совершенно правы, – покивал инспектор. – Такое тоже вполне могло быть. Мог, конечно, и сам... Если не принимать во внимание слова убитого, сказанные перед смертью. Как вы помните, он произнес: «Меня убили!», ведь так указано в тех показаниях, что вы дали в участке.

– Безусловно, среди всего остального, он сказал и это, – подтвердил Смолев. – Я это прекрасно помню. Но что все-таки патологоанатом сказал о ране? Наверняка это есть в его заключении. Пожалуйста, прочтите мне, инспектор: я пока не так силен в греческом и не хотел бы упустить важные нюансы.

– О ране? Это вот здесь, я переведу! – полицейский ткнул пальцем в нижние строчки заключения о вскрытии. – Вот, пожалуйста: «...удар нанесен сзади, тяжелым тупым предметом с неровными и шершавыми краями».

– Что бы это могло быть? – пробормотал Смолев. – Дубинка? Обрезок деревянного неоструганного бруса? Хотя, нет... В таком случае, врач обнаружил бы в ране щепки. «Неровные края»... Скорее, камень? Что-то это все не слишком похоже на заранее спланированное умышленное убийство, вам

так не кажется, Теодорос?

– Да, я тоже обратил на это внимание, – произнес Антонидис, обрадованный тем, что Смолев своими рассуждениями подтвердил ход его мыслей. – Если бы это было заранее спланированное убийство, убийца воспользовался бы огнестрельным или холодным оружием, ядом, наконец, хоть сейчас это и редкость в наши дни. Но камнем?! Бить камнем по голове, и где? На набережной? При таком количестве людей, которое там находится в это время? Патологоанатом заявил, что, судя по объему скопившейся крови в головном мозге, удар нанесен за десять, максимум – за пятнадцать минут до того, как Холландер появился у вашего крыльца.

Алекс помолчал, прикрыв глаза, задумчиво массируя левый висок средним и указательным пальцами и слегка морщась, словно от головной боли.

Старший инспектор, зная за ним эту привычку, деликатно отвернулся. Его внимание привлекли пиалы с фруктовым вареньем, стоявшие на подносе. Едва он отломил небольшой кусок свежего домашнего хлеба и, намазав его вареньем из айвы, отправил в рот, как Смолев, что-то обдумав, обратился к нему снова.

– Десять – пятнадцать минут, говорите? – переспросил Смолев у жевавшего с наслаждением старшего инспектора, который от неожиданности попытался быстро проглотить хлеб с вареньем и едва не поперхнулся.

– Ну, ну, Теодорос, не спешите, это же наше фирмен-

ное «глико ту куталью» от «йайи»⁶. Второго происшествия на своей вилле за одни сутки я не вынесу. Не подавились? Вот, запейте водой! Все в порядке?

– Да, да, благодарю вас! – покраснев, ответил Антонидис.

– Ну и слава Богу! Так вот, я помню, что Холландер физически был очень слаб. Сколько лет было профессору? Семьдесят два? Не думаю, что человек в семьдесят два года, получивший оглушительный удар по голове, способен за десять-пятнадцать минут уйти куда-то далеко от того места, где на него напали. Предполагаю, что он прошел одну, от силы две улицы, прежде, чем вышел на Апиранто. И, скорее, он шел к морю, чем наоборот.

– Почему вы так считаете? – заинтересовался начальник криминальной полиции острова, задержав руку с чайной ложечкой над очередной плошкой с вареньем. – Почему не от моря, с парома, например? Паром пришел всего за пару часов до того, как вы его нашли, или, скорее, он нашел вас... Он мог получить травму, сойдя с парома, если преследователи выследили жертву и в каком-то темном переулке... Ну, вы меня понимаете!

– Да, да, старший инспектор, – подтвердил Смолев, без тени улыбки. – Скорее всего, так и было, именно «в темном переулке», как вы и сказали. Таких переулков в Хоре хватает... Только шел он все-таки не от моря, а к морю! По край-

---

⁶ «варенье от бабушки» – Смолев, еще плохо зная греческий, иногда мешает греческие слова с английскими (прим. автора)

ней мере, после нападения – точно!

– Но почему? – недоумевающе поинтересовался Антонидис.

– Потому, дорогой друг, – пожал плечами владелец гостиницы, – что к морю – это вниз по лестницам, а от моря – это вверх! Если вам семьдесят два года, вы ранены, истекаете кровью, обессилены и измучены, еле держитесь на ногах и чувствуете, – а он говорил об этом прямо, – что умираете, вы бы стали карабкаться вверх по холму по этим бесконечным каменным пролетам? Сомневаюсь! Вернее, даже полностью уверен в обратном. Все, что ему было нужно, – оставить сообщение! Хоть кому-нибудь! Он сэкономил силы. Поэтому он спустился на один или два лестничных пролета, прошел по улицам и постучал в первые же попавшиеся ворота. Вам необходимо исследовать две-три улицы, что находятся над Апиранто. Возможно, вы обнаружите следы крови и даже, чем черт не шутит, – орудие убийства!

– Да, да, – согласился Антонидис, с видимым сожалением отодвигая от себя поднос, на котором стояли четыре пиалы с «глико ту куталью». – Я сейчас же отдам необходимые распоряжения!

Он достал из кармана телефон, набрал номер полицейского участка и завел быстрый разговор по-гречески с кем-то из своих помощников-сержантов.

Смолев продолжал завтракать, наблюдая за ним, и пытаясь разобрать язык, который с каждым днем становился для

него все ближе и понятнее.

Последние три месяца старший инспектор старательно пытался худеть, частенько отказывая себе в привычных наслаждениях: холодном пиве, жареном сыре с тцатцики и фаршированных кальмарах, которые раньше поглощал в огромных количествах. Его помощник сержант Дусманис как-то проболтался своей подружке в баре, что причина, похоже, в одной местной и вполне себе еще молодой вдове из долины, которая как раз ровно три месяца назад и обратилась в полицейский участок Наксоса по какому-то мелко-му вопросу, связанному со старым земельным конфликтом.

Ее муж-винодел погиб в результате несчастного случая, и «бедной женщине,» – как говорил при случае старший инспектор подчиненным, – было «совершенно не на кого опереться!» С тех пор это дело тянется, а Антонидис регулярно выезжает в долину «на экспертизу и опрос свидетелей», давая пищу для веселого зубоскальства своим сержантам. Подружка сержанта недолго хранила секрет: скоро бармены всех таверн были в курсе.

В этом ли все дело, или нет, но Антонидис твердой рукой отодвинул поднос с вареньем в сторону. Затаенный вздох сожаления не укрылся от внимания хозяина виллы, наблюдавшего за этой пантомимой. Смолев заметил, что больше всего полицейский оценил варенье из айвы с миндальным орехом.

Подарю банку, подумал Алекс. Опять же, у инспектора день рождения в пятницу, пусть порадует. Но это не тянет

на полноценный подарок, вздохнул Смолев, тем более, что у инспектора юбилей, – сорок лет. Варенье, это так, – знак внимания. Пора наконец уже придумать, что подарить хорошему человеку.

Инспектор закончил говорить по телефону, но по-прежнему продолжал сидеть на краешке стула, мялся и не уходил.

– Что еще вас смущает, старший инспектор? – спросил Смолев. – Какие-то сомнения?

– Видите ли, Алекс, я успел навести справки по поводу муассанита, – ответил Антонидис, доставая свежий сухой платок из правого кармана, а использованный влажный убирая в левый. – Помните, название, которое произнес убитый? Это реальное название искусственно полученного минерала – конкурента алмаза. Я вот тут навел справки, сейчас... Ах, чтоб меня, простите!..

Полицейский снова неловко полез по карманам своего пиджака, сначала уронил платок, что был у него в руках, потом, потянувшись за платком к полу, разронял и какие-то бумажки, рассыпавшиеся веером под столом.

Смолев наклонился и быстро помог ему подобрать записи.

– Да, спасибо, Алекс, – смущенно извинился еще раз старший инспектор. – Я что-то стал так неловок в последнее время!.. Это мои пометки. Я выписал сегодня утром информацию по муассаниту и по его производителям, только я сейчас разложу их в правильном порядке. Ага! Вот так!.. Если позволите, я прочту?

– Слушаю вас внимательно, Теодорос! – подтвердил, кивнув, Смолев, размышляя о своем.

Значит, инспектор все-таки не спал, а искал в интернете информацию, связанную так или иначе с убийством, и делал для себя выписки, понял Алекс. Сидел ночью в пустынном фойе больницы у компьютера, имевшего доступ в интернет, и, потирая уставшие покрасневшие глаза, рылся во всемирной паутине. Что ж, можно только снять шляпу перед его энтузиазмом и преданностью своему делу.

– Так вот, – продолжал Антонидис, разложив в нужном порядке перед собой листочки, вырванные из блокнота, и зачитывая один за другим, – Муассанит – это кристалл карборунда или карбида кремния, который в тысяча девятьсот пятом году был найден в части метеорита и запатентован доктором астрономических наук А. Муассаном, в честь которого и получил свое название. Доктор Муассан, кстати сказать, получил Нобелевскую премию за это открытие. В природе минерал практически не встречается. Впервые был синтезирован искусственным путем Э. Г. Аченсоном в восемьдесят втором году. Большинство ювелиров долгое время принимали его за драгоценный камень.

– Надо же, – заинтересовался Смолев. – Его изготавливают на продажу?

– Да, да, – подтвердил начальник уголовной полиции острова, роясь в записях. – У меня и это есть... Вот! Производство в коммерческих целях началось менее пяти лет назад.

Производится американской компанией «Чарльз энд Колвард лимитед», штаб-квартира которой находится по адресу Саувпорт Драйв 170, город Моррисвилль, штат Северная Каролина, США. Ага, ага... Дальше пошли характеристики и отличия от бриллиантов, вот послушайте! «По мнению крупнейших экспертов, сегодня является лучшей в мире заменой для бриллианта, более того, даже превосходит его по ряду характеристик». Так, так... Сейчас найду, это уже в другом листочке, вот: «определяется детектором как бриллиант! – за счет одинаковой теплопроводности, отличить от бриллианта может только геммологическая экспертиза⁷; цены на большие камни в сотни раз ниже, чем на бриллианты аналогичного размера; внешне при визуальном осмотре игра света не уступает бриллианту, а иногда и превосходит, как и по ряду других характеристик: твердость, температура горения и прочее». Ну, дальше пошли уже совсем технические моменты, я их переписал на всякий случай, для экспертов, но зачитывать не буду.

– Крайне любопытно, – медленно произнес Смолев. – То есть, речь шла именно о стразах из этого искусственно по-

---

⁷ геммологическая экспертиза, будучи видом судебной экспертизы, позволяет определять камни и минералы, устанавливать, является ли данный минерал драгоценным и поделочным и какова природа данного камня: природная, синтетическая или имитационная; выявлять вес, размеры и оценочную стоимость камней; возможные месторождения, которые являются источником происхождения камня; условия его обработки, квалификацию огранщика, осуществлявшего обработку и др. (прим. автора)

лученного минерала? Стоит в сотни раз дешевле, чем аналогичный крупный бриллиант? Очень любопытно. Но кого имел в виду Холландер, говоря «они»? Я помню его слова: «они меня убили». Кто? И почему во множественном числе? Вот в чем проблема. И почему он считал дело безнадежным? Или, вернее, он сказал, что «надежды больше нет». Честно сказать, Теодорос, я готов был списать это на бред умирающего: так мало логики я в нем увидел тогда. А с муассанитом вы меня поразили. Никогда не слышал! Выходит, что перед смертью, несмотря на удар, профессор Холландер мыслил четко и трезво!.. Он просто не успел сказать мне всего того, что хотел.

Или сказал, а ты не услышал, кольнула Смолева неприятная мысль. Надо еще раз вспомнить и обдумать каждое слово, произнесенное убитым, подумал он. Что-то здесь не так!

– Старший инспектор, вы провели большую работу, – похвалил он вслух немедленно зардевшегося Антонидиса. – Но у меня такое ощущение, что вы чего-то не договариваете? Какого туза вы припрятали в рукаве? Что вы мне еще не сказали?

– Скорее, не п-показал, – немного заикаясь от волнения, проговорил инспектор Антонидис и выложил на тарелку, стоявшую перед ним небольшой сверток: в листок из блокнота, точно такой же, на каких он вел свои записи, было завернуто что-то круглое и плоское.

– Что нам делать с этой находкой, Алекс? Это содержимое желудка Холландера, полчаса назад мне вручил его патологоанатом вместе с заключением о вскрытии, – и я сразу к вам!..

На тарелке, освобожденный от бумажной обертки, сверкал и переливался всеми гранями крупный ярко-голубой бриллиант.

Или муассанит?

Смолев перевел вопросительный взгляд на старшего инспектора.

Теодорос Антонидис лишь молча развел руками.

Часть вторая

*Сквозь века расцвета и упадка
Выстоят твои цитадели,
Храня память о твоём роде
И легенды о твоём царстве.*

*Сароджини Найдю,
«Королевские гробницы Голконды».*

Огромный благословенный край, что когда-то по воле всемогущего создателя Вишну⁸ раскинулся в центральной части полуострова Индостан, – гигантское плоскогорье с его полноводными реками Нармада и Кавери, богатыми рыбой, с плодородными землями, что давали возможность трудолюбивым земледельцам снимать с пашни по два урожая в год, с густыми лесами тиковых, саловых⁹ и бамбуковых деревьев, где в изобилии водились многочисленные животные и птицы, – издревле люди, населявшие его, называли Деккан.

Они говорили на множестве разных языков: деванагари, хинди, телугу, урду... Столетиями солнце благословенного края светило для всех одинаково, климат был на удивление

---

⁸ верховный Бог в вайшнавской традиции индуизма. Наряду с Брахмой и Шивой является одним из богов Тримурти (пуранической триады божеств), где выполняет функции охранителя мироздания (прим. автора)

⁹ саловое дерево (ударение на второй слог) – дерево до 37 м высоты и диаметром ствола до 2 метров из семейства диптерокарповых, произрастающее в Восточной и Центральной Индии и у подножия Южных Гималаев (прим. автора)

теплым и мягким, земля щедро вознаграждала их за труд своими дарами.

Но людям во все времена постоянно хочется больше, чем выпало им по жребию, – так уж устроена несовершенная человеческая природа!

И когда нет возможности или желания разбогатеть честным трудом, но жажда власти, жадность и зависть, как злобные черви, разъедают душу правителя изнутри, будь он великим раджей древнего и могучего королевства или всего лишь правителем небольшой области, то всегда остается другой путь: ограбить ближайшего соседа, забрать его скот, прибрать к рукам его плодородные земли и речные порты, увести в рабство его самого и всех его родных, поживиться накопленным добром, – ведь золота, жемчугов, шелка и драгоценных камней в собственных сокровищницах никогда не бывает слишком много. Особенно, если злосчастный сосед слабее, да и вообще – чужак: говорит иначе и молится другим богам...

Оттого и воевали народы, населявшие Деккан. Воевали ожесточенно и безжалостно.

Возникали и рушились княжества и царства, приходили и уходили в небытие великие династии правителей: раджей и султанов, оставляя после себя целые города, опустошенные войной, а порой и разрушенные до основания, заброшенные великолепные дворцы, могучие крепости с неприступными стенами фортов и цитаделей, мечети с резными каменными

минаретами и многочисленные монументальные гробницы своих великих предков.

Так в середине пятнадцатого века в результате войны двух царств – Бахмани и Виджаянагара – первое распалось на пять маленьких княжеств: Биджапур, Амаднагар, Берар, Бидар и Голконду.

Когда, за сто лет до этих событий, предки раджей Варангала в священном месяце Сравана¹⁰ выбирали место для строительства цитадели, они выбрали один из крупных холмов, что высился над долиной почти на сто двадцать хаста¹¹.

Холм этот местные пастухи, что пасли на нем коз и построили здесь жалкие мазанки из глины и тростника, прозвали Голла Кунда, что на языке телугу и означало всего лишь: «Пастуший холм». Именно на этом холме, между двух огромных камней, один из которых напоминал голову огромного быка, находилось древнее капище богини Маха Кали, настолько древнее, что о нем народ телугу слагал устные предания, передавая их из поколения в поколение, а поколений к тому моменту сменилось уже больше двадцати.

Ежегодный праздник богини Маха Кали приходился на месяц Сравана, и правители Варангала посчитали это за доброе предзнаменование. Они-то и построили первую небольшую крепость на холме.

---

¹⁰ 22 июля – 22 августа по григорианскому календарю (прим. автора)

¹¹ древнеиндийская мера длины, равняется, примерно, одному метру (прим. автора)

После падения царства Бахмани крепость Голконда (Голла Кунда) на сто пятьдесят лет стала столицей государства династии Кутуб Шахов.

Больше шестидесяти лет первые три правителя династии превращали небольшую крепость в огромную, мощную и неприступную каменную цитадель: ее восемьдесят семь бастионов были готовы встретить любого врага огнем, прорвись он через ров и многочисленные ряды стен с восемью укрепленными воротами.

Ни разу ни одному противнику не удалось штурмом овладеть Голкондой, даже великому субудару Деккана, наследнику трона великих Моголов. Богоравный султан Муххамад Аурангзеб Бахадур смог взять неприступную крепость лишь с третьей попытки, да и то благодаря подкупу и предательству. Золото, как известно, открывает любые ворота – даже самых неприступных крепостей...

Но это будет позже. А пока целая и невредимая внешняя стена, протяженностью в два гарута¹² опоясывала город, который с тех самых пор славился торговлей алмазами и другими драгоценными камнями, что добывались неподалеку от Голконды в коллурских копиях.

---

¹² древнеиндийская мера длины, примерно 3,5 км (прим. автора)

В давние времена алмазы впервые были найдены все теми же пастухами в песчаниках и галечниках речных русел рек Кистна и Пеннер.

Камни эти – блестящие безделушки козопасам были ни к чему – были ими сменяны на еду и немудреный скарб у местных купцов и постепенно дошли до раджи, который, в отличие от своих нищих подданных, прекрасно разбирался в алмазах и знал их истинную ценность. Тогда-то и началась масштабная работа по добыче драгоценностей в россыпных алмазных месторождениях Голконды.

Тысячи людей, полуголых, худых и грязных, в одних набедренных повязках день за днем истово рыли лопатами и долбили кирками красноватую землю Коллура, вгрызаясь все глубже и глубже, трудясь уже по колено в воде и земля-

ной жиже. Они грузили влажный извлеченный грунт в корзины и отправляли их наверх, на просушку, где другие, более опытные рабочие под надзором мастеров измельчали высохший на солнце грунт в песок и находили драгоценные камни.

Зной, влажность, голод, болезни и непосильный труд от зари до зари делали свое дело: люди умирали каждый день... Но людей у раджи Голконды было великое множество – порой на копях трудилось до тридцати тысяч человек разом – и стоили они дешево, а алмазов в сокровищницах раджи, как мы уже уяснили, слишком много не бывает никогда...

На найденные сокровища, что бережно отмывались и очищались от налипшей глинистой почвы, а потом полировались по имеющимся граням, Кутуб Шахи отстроили город, крепость и роскошные дворцы с бассейнами и фонтанами для себя, своих жен и наследников, развили ремесла и торговлю, создали и вооружили большое войско.

Посланные своими правителями, заморскими падишахами и королями, – видимо, характер власть имущих во всем мире схож, а сокровищницы одинаково бездонны, – за алмазами из копей Голконды ехали купцы со всего света, везя товары на обмен и ожесточенно торгуясь на огромном алмазном рынке, что каждый день бурлил толпами народа, снующего между десятками ювелирных лавок.

Каждая лавка платила налог в казну Муххамеда Кутуб Шаха, за этим пристально и неусыпно следил человек, ко-

торому правитель доверил самое дорогое: ключи от замков своих сокровищниц с золотом и драгоценными камнями, а вскоре, как шептались придворные за спиной вельможи, возможно, доверит и самое главное сокровище – собственную дочь.

Двадцать лет верой и правдой служил казначей Миргимола, перс по происхождению, своим господам, оберегая и преумножая и без того несметные богатства Кутуб Шахов, в надежде, что судьба вознесет его еще выше, поставит рядом у трона могущественных правителей, даровав ему высокое родство.

Река алмазов, сапфиров, изумрудов, рубинов и жемчугов годами текла мимо Миргимолы, текла в хозяйские кладовые, оседая в сундуках и кувшинах из обожженной глины.

Будущий родственник Кутуб Шаха изредка позволял себе зачерпнуть из нее. Но не алчность двигала им, о нет, он давно был богатым человеком: и его правитель часто бывал к нему щедр, отмечая его усердную службу, и – хоть об этом никто и не знал – часть лавок на рыночной площади через подставных лиц уже много лет принадлежала Миргимоле.

Он давно уже обеспечил безбедное существование себе и своим будущим потомкам на много поколений вперед. Да и к чему было воровать из казны своих будущих родственников, – разве его жена, дочь великого Муххамеда Кутуб Шаха, не сможет получить из сокровищницы отца все, что пожелает? Нет, Миргимола был тонким ценителем прекрасно-

го! Только лучшие и самые необычные, самые изысканные драгоценные камни были в его личной коллекции.

Гонцы и осведомители доставляли ему каждый месяц из разных концов Деккана известия о том, что был обнаружен очередной шедевр, достойный попасть в его коллекцию. И тогда казначей Кутуб Шаха делал все, чтобы заполучить этот шедевр.

Вот и сегодня как раз был тот самый день, когда должны были вернуться его гонцы. Дошли до него слухи, что в одном из удаленных храмов, у статуи Будды Акшобхьи появился драгоценный амулет в виде крупного ярко-синего кристалла, под цвет тела самого Будды.

Миргимола как правоверный мусульманин не мог понять эту варварскую традицию местных племен украшать фигуры своих богов. Но, впрочем, пусть! Ведь они всегда отдают своим богам самое ценное – это только упрощает его задачу...

Миргимола, мужчина лет сорока пяти с худым смуглым лицом, тонкими губами, крючковатым носом и почти сросшимися бровями, одетый в темно-красный шелковый шервани¹³ с алмазными пуговицами и длинные белоснежные дхоти¹⁴ с вышивкой по кайме в виде золотого орнамента, си-

---

¹³ традиционное аристократическое одеяние индо-персидских вельмож, длинное полупальто или пиджак из плотной ткани (прим. автора)

¹⁴ традиционная одежда, полоса ткани, оборачивавшаяся вокруг ног в виде шаровар (прим. автора)

дел, прикрыв глаза и традиционно скрестив ноги на бархатных подушках, в покоех на втором этаже дворца Барадари. Покачивая тюрбаном на голове, он ждал сигнала, напрягая слух.

И сигнал пришел: четкое эхо хлопка в ладоши словно донеслось издалека, отражаясь от дворцовых стен и потолка — это в двухстах дханус¹⁵ от дворца, вниз по холму, в воротах Балахисар громко хлопнул в ладоши начальник стражи, подавая ему сигнал. Гениальные зодчие строили дворцы и бастионы Голконды, таят они много волшебных секретов, известных лишь избранным.

Значит, гонцы вернулись. Миргимола беспокойно и нетерпеливо пошевелил тонкими худыми пальцами, унизанными драгоценными самоцветными перстнями, но глаза открыл, только лишь когда огромная резная дверь наконец отворилась.

---

¹⁵ древнеиндийская мера длины, примерно два метра (прим. автора)

Часть третья

*Не берись ни за какие дела – вот первый
признак мудрости. Взавшись же за дело, доводи
его до конца – вот второй признак мудрости!
Индийские Ведаы.*

– Однако, старший инспектор, – несколько растерянно произнес после продолжительной паузы Смолев, внимательно рассмотрев переливающийся на свету темно-голубой драгоценный камень правильной овальной формы, размером с небольшой грецкий орех. – Однако! Вы меня удивили! Потрясающе!

Он аккуратно держал блюдечко тремя пальцами перед глазами на весу, но к самому камню так ни разу и не прикоснулся. В лучах утреннего солнца, настойчиво пробивавшегося сквозь листья виноградной лозы, густо обвившей решетчатый потолок, камень сверкал всеми цветами радуги, множа полированными гранями вокруг себя сотни солнечных зайчиков. Это было просто завораживающее зрелище!

С лестницы раздались шаги: кто-то быстро спускался из кухни на террасу.

Алекс поставил блюдо с камнем на стол, накрыл бумажной салфеткой и заслонил локтем.

К ним вновь подошла официантка Артеми с большой вазой фруктов.

Смолев благодарно кивнул девушке, дождался, пока она уйдет, и, убрав салфетку, снова взглянул на сверкающий кристалл.

Хорошо еще, что время раннее, подумал он, постояльцы виллы соберутся на завтрак только через час. Иначе разговоров не оберешься, а для следствия это только во вред. Именно поэтому старший инспектор и поспешил к нему, а не в полицейский участок.

– Потрясающе! – снова сказал Смолев, подробно рассмотрев камень со всех сторон. – Кто бы мог предположить... Это и в самом деле неожиданный поворот! Какой цвет, какие грани! Само совершенство! Я хоть и не большой знаток драгоценных камней, но здесь не вижу ни одного изъяна. Вот поле деятельности для ваших экспертов, Теодорос. Отпечатки есть?

– Пока, при первом рассмотрении, мне не удалось что-либо обнаружить, как я ни пытался, – покачал головой Антонидис. – Врач считает, что убитый Холландер проглотил камень или незадолго до того, как подвергся нападению, или сразу же после. Мне все-таки кажется, что он проглотил его до нападения: почувствовал опасность или обнаружил за собой слежку – и проглотил, запив водой, чтобы было проще, – початую полулитровую пластиковую бутылку с водой обнаружили в кармане его пиджака. Хотя камень, как вы и сами видите, приличных размеров: примерно два на два с половиной сантиметра... Точнее покажет экспертиза. Патологоана-

том подтверждает, что строение пищевода покойного позволило бы проглотить и более крупный камень. Тем более что форма у него округлая, видите, нет острых краев и граней. Не исключено, что именно этот камень и явился причиной, почему на Холландера напали. Я склоняюсь к мысли, что это очень важная улика, которая сможет пролить свет на мотивы преступления, как вы полагаете?

– Да, вполне вероятно, вполне вероятно, – задумчиво произнес Алекс. – Просто так, ни с того ни с сего, драгоценные камни не глотают, это точно. Это, знаете ли, не зефир... Действительно, нитей у вас в руках теперь вполне достаточно. Так чем же я еще могу быть вам полезен, старший инспектор? К сожалению, мне больше нечего добавить к тем показаниям, что я сообщил вам. Очевидно, что теперь дело за вашими экспертами, – им и карты в руки!

Он пододвинул блюдце со сверкающим камнем к Антонидису.

Тот снова осторожно завернул его в бумагу, стараясь не прикасаться пальцами к сверкающим граням, и, опустив камень сперва в небольшой полиэтиленовый пакет, убрал его затем во внутренний карман пиджака.

Алекс огляделся: на террасе словно погасла маленькая голубая звезда, все вокруг снова стало обыденным и привычным.

– Я был бы вам очень признателен, – смущаясь и чувствуя себя крайне неловко в роли просителя, произнес Ан-

тонидис, утираясь платком, – если бы вы смогли связаться с вашим другом, генералом Манном на предмет организации подробной геммологической экспертизы силами Национального Бюро Интерпола. Дело в том, что мои эксперты здесь бессильны. Ни у кого из них нет опыта работы с драгоценными камнями.

– Вот как? А как же ваше ведомство, старший инспектор? Департамент полиции? Они не будут против? – искренне удивился Смолев. – Разве вы не должны действовать в рамках установленных следственных процедур? При чем здесь международная криминальная полиция? Это же не контрабанда драгоценностей! Пока дело выглядит сугубо уголовным и находится в местной юрисдикции, по-крайней мере до того момента, пока вы не идентифицируете вашу находку.

– В том-то и дело! Видите ли, Алекс, – пустился в неловкие объяснения старший инспектор. – К сожалению, после того дела со сбежавшим бухгалтером неаполитанской мафии в полицейском департаменте в Афинах идут серьезные кадровые перестановки. Новый глава департамента полиции все еще не назначен, все сидят как на иголках, – ну, вы понимаете!.. Никому не будет дела до нас! А еще хуже – они просто потеряют камень! Ну, не совсем потеряют, конечно, – поправился Антонидис, взмокнув под пристальным взглядом Смолева больше обычного, – просто он осядет где-то в шкафах у экспертов и обратно уже не вернется. Это в лучшем случае! А вместе с ним в Афины уйдет и дело! Уйдет

и заглохнет. А мне этого, как вы догадываетесь, совершенно не хотелось бы...

Смолев улыбнулся про себя. Старший инспектор был в своем репертуаре. Ни за что не хотел отдавать своим афинским коллегам лавры детектива в очередном запутанном деле. Впрочем, его можно понять: кого там в столице заинтересует это преступление, когда идет такая масштабная «чистка» полицейских рядов. Пропадет камешек, как пить дать, пропадет! С умыслом или без умысла – какая разница! Главное, исчезнет, растворится. И концов потом не найдешь. Надо помочь!

– Хорошо, Теодорос, – с легкой душой согласился Алекс. – Я сегодня же свяжусь с генералом Манном, попрошу его содействия, посмотрим, что он нам посоветует. Возможно, вам придется выехать на материк: ведь лаборатория Национального Бюро Интерпола тоже находится в Афинах.

Инспектор смущенно помялся, потом, все-таки решившись, негромко произнес:

– По возможности, я бы постарался этого избежать, поскольку это будет выглядеть как явный демарш с моей стороны, ведь я официальное лицо! Демарш и нарушение всех и всяческих процедур: покинуть остров с важной уликой и направиться в лабораторию не своего ведомства, а Интерпола, несмотря на все инструкции...

– В самом деле, – подтвердил Смолев. – По головке вас за это ваше полицейское начальство – ведь его когда-нибудь

назначат, рано или поздно – уж точно не погладит. Ну, хорошо, что вы предлагаете? Интерпол в любом случае не перебросит к нам на Наксос свою лабораторию и экспертов не пришлет, – я тогда не очень понимаю, как именно они могут вам помочь?

– Я подумал, – еще тише промямлил старший инспектор, страшно смущаясь, – если бы вы могли взять у меня этот камень, так сказать, в неофициальном порядке, вам я доверяю как самому себе, и вылететь сегодня, даже прямо сейчас, утренним рейсом в Афины, чтобы там провести негласную экспертизу, которая помогла бы нам в дальнейших поисках... Тогда мы хотя бы понимали, с чем имеем дело: с бриллиантом, с сапфиром, муассанитом или стразом из какого-то другого материала, например, кристаллом Сваровски. Согласитесь, дорогой Алекс, что от этого зависит, в каком направлении пойдет дальнейшее расследование! Пока вы будете в Афинах, мы с помощниками прочедем все улицы в радиусе трехсот метров в поисках орудия убийства. Я уверен, что убийца все еще на острове, и если мы с вами не будем терять ни минуты...

– Стоп, стоп, стоп! – решительно запротестовал Смолев, отрицательно мотая головой.

Ему наконец стала ясна цель визита старшего инспектора. Бросить все и немедленно лететь в Афины? Но это просто невозможно. На винограднике Смолева уже ждут, он не может подвести людей. Какая экспертиза? Даже речи быть

не может! Надо как-то аккуратно объяснить это Антонидису, не хочется расстраивать хорошего человека, но, похоже, придется.

– Видите ли, старший инспектор, к сожалению, – как можно мягче произнес Смолев, – на сегодня мои планы уже сверстаны: меня ждут в долине, куда я планировал выехать сразу после завтрака. Но дело даже не в этом. Я уверен, что вы справитесь с делом и без меня. Поймите меня правильно, Теодорос! – Алекс по-дружески коротко дотронулся до плеча инспектора. – За последние несколько месяцев я почти не продвинулся в своем главном деле, ради которого я и купил виноградник! Меня все время что-нибудь отвлекало: то одно, то другое! Если так пойдет и дальше – я никогда не смогу сделать собственное вино. В конце концов, я, можно так сказать, просто военный пенсионер, который хочет стать виноделом! Боюсь, что я не смогу вам помочь. Сегодня вылететь в Афины, тем более, прямо сейчас, – это совершенно исключено, простите меня и постарайтесь, пожалуйста, понять!..

– Да, да, я понимаю, – согласно закивал Теодорос Антонидис, судорожно комкая в руках платок.

Было видно, что старший инспектор все же страшно расстроился, но из уважения к владельцу «Афродиты» старался не показывать вида. Он попытался встать из-за стола, но Смолев удержал его.

– Пойдите, Теодорос, я не смогу поехать в Афины, но,

чтобы вас немного утешить, я, конечно, позвоню генералу, причем сделаю это прямо сейчас, немедленно и в вашем присутствии, – пытаюсь приободрить его, сказал Алекс. – Не исключено, что Манн нам что-то посоветует. Может быть, есть еще какое-то решение, которое бы устроило нас всех! Вот, кстати, фрукты, угощайтесь!

И он придвинул поближе к инспектору вазу со спелыми медовыми абрикосами в темно-коричневых «веснушках», крупнозернистыми отборными гранатами, лилово-желтыми сливами и просвечивающим на солнце золотисто-розовым виноградом.

Абрикосы и сливы на виллу привез Димитрос Аманатидис: в этом году на его ферме в долине созрел отменный урожай; лучшие на острове гранаты – традиционный подарок от Леонидаса Спанидиса и его невесты Ариадны. Они тоже давно зовут Смолева в гости, но ему все было никак не выбраться. Виноград же вырастил садовник Христос прямо на вилле: вон грозди свисают с речного потолка, прямо над их с инспектором головами. Сколько трудов садовник потратил, чтобы старая лоза асиртико снова ожила и начала плодоносить!

Наксос – просто рай на земле, особенно для тех, кто хочет что-нибудь вырастить, вложив в свой труд частичку своей души... Главное, перестать об этом мечтать и начать уже что-то для этого делать, сердясь на себя, думал Смолев, а то «маниловщина» какая-то, понимаешь, получается!.. И «сго-

рят мои годы и вовсе дотла под пустые, как дым, разговоры!»¹⁶, как когда-то пели они с друзьями у костра под гитару, наивно полагая, что уж с ними-то такой глупости никогда в жизни не случится. И что теперь? Снова все бросить?

Он набрал номер генерала Интерпола, приложил айфон к уху и, в ожидании ответа, наблюдал за старшим инспектором, который меланхолично обрывал по ягодке с розовато-желтой грозди асиртико, что лежала на блюде, и грустно отправлял себе в рот.

В самом деле, расстроено рассуждал про себя Алекс, ну что такое? Что за кривая такая у меня удача? Надо же было этому бедняге Холландеру ткнуться в дверь именно моей виллы, – что, других вокруг было мало?

Где те спокойствие и безмятежность, о которых я мечтал, приехав на остров?

С другой стороны, Антонидис и в самом деле оказался в сложной ситуации: отдать улику в департамент – похоронить дело заживо. К бабушке не ходи, и так все понятно.

Но я-то тут при чем, тоскливо думал Смолев, почему мне надо снова, уже в который раз отодвинуть свои дела в сторону и потратить драгоценное время на то, чтобы разбираться с очередным трупом? Упустим время с посадкой новых лоз, – придется все переносить с виноградником на следующий год. Ради чего? Холландеру уже ничем не помочь, он

---

¹⁶ строчка из песни «Бричмулла» – стихи Д. Сухарева, муз. С. Никитина (прим. автора)

мертв.

Для следствия Смолев сделал все, что мог. Да и дело несложное, инспектор – мужик башковитый, справится. А что до его нетерпения, понять можно, но это не повод для Смолева бросать свои дела. А еще Алекс прекрасно понимал, что если уж он «впишется» в расследование, то не успокоится и сам, пока не доведет его до конца – профессиональная гордость не позволит. И от этого он еще больше сердился на самого себя.

Что-то Манн долго не снимает трубку, вдруг дошло до Алекса. Обычно генерал отвечает после второго гудка, а сейчас прошли добрые десять – двенадцать. Видимо, занят. Перезвоню, решил Смолев и сбросил вызов. Мысль о том, что генерал – такая же ранняя пташка, как и сам Алекс, в семь часов утра может еще спать, даже не пришла Смолеву в голову.

– Скажите, Теодорос, – что-то вспомнив, обратился он к старшему инспектору, который, пребывая в расстроенных чувствах, незаметно для себя уже основательно подъял виноград на блюде. – Что еще обнаружено у убитого? Он хотел предъявить мне какие-то документы, но не смог пошевелиться, а обыскивать его в ваше отсутствие я, разумеется, не стал. Вы нашли паспорт, билеты на самолет или паром, ваучер на гостиницу? Письма, телеграммы, визитки? Ну хоть что-то?

– Мы не нашли при нем никаких документов! – сокру-

шенно развел руками немного приободрившийся полицейский. – Совершенно никаких, и это очередная загадка. Даже бумажника с деньгами или кредитными карточками. Мы не знаем, кто он и откуда, когда прибыл на остров, у кого остановился, где его вещи, наконец! Ведь должен был у него быть хоть какой-то багаж! То, что его зовут Холландер, профессор Холландер, мы тоже знаем только с его слов, ну, то есть, если быть точным, с ваших... Он вам назвался этим именем и заявил, что имеет отношение к музею естественной истории. Вопрос, к какому? В Афинах есть небольшой музей естественной истории, и даже, насколько я помню, там есть экспозиция минералов. Я немедленно направлю туда запрос, первым делом, как только вернусь в свой кабинет, чтобы выяснить, имеет ли погибший Холландер к ним какое-то отношение...

Звук входящего вызова на айфоне Смолева перебил старшего инспектора, и он сразу смолк. Алекс взглянул на экран: звонок был от генерала.

– Доброе утро, – успел лишь сказать по-русски Смолев в трубку, как его немедленно прервали.

– И вот чего ты мне трезвонишь ни свет ни заря? – укоризненным басом ответил сонный мужской голос. Было слышно, как говоривший отчаянно борется с зевотой, но зевота побеждает. – Я первый раз за две недели пытаюсь выспаться, лег накануне в три часа ночи! Укатали, понимаешь, Сивку крутые горки! Ты на часы смотрел, лиходея? Семь утра еще,

я думал, хоть до восьми протяну, так нет – черт тебя дернул! Только не говори, что опять что-то стряслось на вашем благословенном острове! Что, опять кто-то умер?

– Ты удивительно догадлив, генерал, – рассмеялся Смолев. – Ну прости, прости, мне даже в голову не пришло, что ты спишь: обычно ты в это время уже на ногах и так активно борешься с преступностью, что она только пищит... А чего это, кстати, ты так поздно спать лег? Случилось что? Как Тереза, как близнецы?

– Да отлично все у них, – еще раз зевнув, ответил генерал. – К тебе хотят в гости, говорят, что еще не все вазы расколотили на твоей вилле. Чего поздно лег? Как обычно: международный криминальный мир пытается объехать нас на кривой козе, ничего нового. Американцы задачку в этот раз подкинули, теперь все на ушах стоят... Ты рассказывай, рассказывай, что произошло? Кто у нас покойник на этот раз?

– Приезжайте, буду только рад, вазы – дело наживное, – ответил Смолев. – А покойник... Тут слушай, такая темная история...

И Смолев в двух словах быстро рассказал Манну о том, что случилось накануне и о визите старшего инспектора сегодня утром.

Увлечшись рассказом, Смолев не заметил, что Манн, откровенно зевавший в начале его истории и даже что-то недовольно бурчавший, вдруг как-то сразу и резко затих, стоило

Алексу произнести фамилию убитого, а когда Смолев дошел до утреннего визита инспектора и произнес слова: «достаёт из кармана и кладёт на блюде синий камень, то ли бриллиант, то ли сапфир, – патологоанатом достал из желудка жертвы...», генерал вдруг совершенно ясным голосом быстро спросил:

– Саша, я все понял, где камень? Камень где?

– Что где? – не сразу смог прерваться с повествованием Смолев. – Ах, камень? Да здесь камень, напротив сидит! То есть, тьфу! Лежит! В кармане у старшего инспектора Антонидиса и лежит! Что ты меня сбиваешь? Так вот, Антонидис хочет геммологическую экспертизу в Интерполе, к своим в департамент боится соваться, мол, камень потеряют. Слушай, ну я никак не могу вылететь сейчас в Афины, меня ждут на винограднике! Это будет просто свинство, если я не приеду! Я уже неделю откладываю...

– Да, да, – словно не слушая его, ответил Манн. – Это само собой... Езжай, конечно, только к вечеру вернись. А Антонидису скажи... Или нет, лучше я сам! Вот что, Саша, дай-ка мне к телефону этого гения сыска!

Смолев, пожав плечами, протянул айфон Антонидису.

Тот, предварительно вытерев руки, липкие от виноградного сока полотняной салфеткой и аккуратно взяв аппарат двумя пальцами, поднес его к уху. Впрочем, генерал говорил так громко и четко, что Смолев, сидя в метре от инспектора, и сам все прекрасно слышал.

Виктор, видимо понимая это, говорил по-английски, чтобы дважды не пересказывать потом Смолеву содержание разговора с полицейским. Тон у генерала был неожиданно деловой и бодрый.

– Старший инспектор? Генерал Манн говорит! Вы все правильно сделали, хвалю! Будете продолжать в том же духе – награды вам не миновать! С вашим начальством я решу все сам. Что вам делать дальше? Дальше делаете следующее: камень отдайте Смолеву. Да, прямо сейчас, немедленно и отдайте. Вы же и так это собирались сделать? Пусть он его уберет в сейф до моего приезда. И хранит за семью печатями! Что? Не понимаете? Это русская поговорка, он поймет. Разумеется, я вылетаю! И привезу вам эксперта мирового уровня, останетесь довольны! Займитесь пока поисками орудия убийства. Когда? К ужину я буду на вилле. И еще, Теодорос, – генерал сделал паузу и понизил голос, – упаси вас Бог кому-то проговориться, о том, что вы нашли! Кто знает о находке кроме вас и Смолева? Точно никто? Ах, да, патологоанатом... Я сейчас с ним сам переговорю. Держите рот на замке, если не хотите, чтобы умер кто-нибудь еще, все понятно? Ни слова, ни полслова! Это не шутки, старший инспектор, все очень и очень серьезно! Прилечу рейсом в семнадцать двадцать пять из Афин. В восемнадцать десять буду у вас. Пришлите за мной машину. Все объяснения при встрече, отбой!

Несколько растерянный и в то же время обрадованный,

Антонидис положил замолчавший айфон перед Смолевым. Потом сунул руку во внутренний карман пиджака и достал пакет с уликой, который сперва неловко выложил на середину стола, потом, оглядевшись по сторонам и смущаясь, пододвинул ближе к Смолеву.

– Вот, мне сказали, чтобы я... То есть, чтобы вы...

– Я все слышал, Теодорос, – со вздохом ответил владелец виллы.

Он встал из-за стола, убрал в карман телефон, пакет с камнем и протянул старшему инспектору руку для прощания.

– Ну, что же, сделаем, как просит генерал, раз интересы дела того требуют. Я уберу камень в сейф и уеду в долину. Манна и его эксперта из аэропорта заберу на обратном пути

сам. Вы сегодня ужинаете у меня, так что никаких перекусов на пляже! Никакого жареного сыра с тцатцики с пивом перед ужином! Идеально пустой желудок! Иначе повар Петрос этого не поймет и не простит. Тем более, что у нас сегодня на ужин ваши любимые фаршированные кальмары и ягненок на гриле!

Часть четвертая

Человек, взглянувший на него, уже готов был сознаться, что в этой чудной душе кипят достоинства великие, но которым одна только награда есть на земле – виселица.

Н. В. Гоголь, «Сорочинская ярмарка».

Немигающий, тяжелый взгляд черных глаз дворцового казначея султаната Кутуб Шахов, словно ударом хлыста, ожег прибывших издалека гонцов, немедленно упавших перед ним на колени.

Миргимола снова раздраженно пошевелил в нервном нетерпении тонкими худыми пальцами. Перстни на них издали брякающий звук, словно гремучая змея лениво пошевелила своим хвостом.

Стража, сопроводившая прибывших от самых ворот, отступила на несколько шагов и замерла неподвижно.

Гонцы, чья разодранная и выгоревшая на солнце одежда пропылилась насквозь, а кожаная обувь протерлась до дыр, лежали ничком, упав на колени возле украшенного золотом и шелками тахта¹⁷ и, уткнувшись исхудалыми лицами в мозаичный пол малой приемной залы дворца Барадари, терпеливо ждали, пока не соблаговолит заговорить тот, кто послал

---

¹⁷ трон восточного вельможи – персид. (прим. автора)

их в дальний путь, и к кому они вернулись, спустя столько долгих месяцев, с пустыми руками.

Наконец Миргимола слегка наклонился вперед, и рубиновый сарпенч¹⁸ в виде скорпиона, с занесенным ядовитым жалом, полыхнул в огне факелов стражи зловещим кровавым отблеском. Голос у казначея был скрипуч и язвителен.

– Как вы посмели явиться обратно, не исполнив требуемого? – произнес он, надменно кривя узкие губы. – Вы должны были добыть этот синий камень для сокровищницы великого Кутуб Шаха! Знаете, презренные, что теперь вас ждет? Вы обманули мое доверие! Вы подвели меня! Если я не услышу убедительных объяснений, клянусь Аллахом, до утра вы не доживете – я услышу ваши предсмертные хрипы из зиндана¹⁹ прежде чем на небе взойдет Альрукаба!²⁰

Миргимола говорил по-персидски, дабы не дать возможности стражникам из местных индусов понять суть важной беседы: не для их недостойных ушей было то, что собирался сказать казначей и главное – то, что он собирался услышать. И даже говоря на своем родном языке, который в этой зале знали лишь он и его гонцы, он как опытный царедворец старался очень внимательно следить за своими словами

---

¹⁸ украшение головного убора, изготавливалось, обычно, из золота и драгоценных камней – персид. (прим. автора)

¹⁹ тюрьма, от «зина» – преступление, нарушение и «дан» – вместилище – персид. (прим. автора)

²⁰ полярная звезда – арабск. (прим. автора)

и не слишком повышать голос.

– Храм охраняется, о, господин, – смиренной скороговоркой, по-прежнему глядя в пол, негромко произнес старший группы.

Двое его помощников, помоложе, в страхе молчали, сотрясаясь крупной дрожью.

– Двенадцать вооруженных воинов, сикхи из Пенджаба²¹, силой мы бы не смогли одолеть их...

– Сикхи? – недовольно поморщился Миргимола, откидываясь назад на мягкий и удобный валик, обшитый шелком, и на мгновение задумался. – Что делать сикхам у буддийского храма? И что за божество там находится? Чей это храм?

– Храм очень древний, о, господин, – все той же скороговоркой, но уже чуть более размеренно отвечал ему гонец. – До него месяц пути от дворца великого Шаха Голконды! Мы долго искали его, пока, наконец, не нашли. Храм находится в лесу, у самого подножия гор. Вырубленный в скале, он надежно скрыт от посторонних глаз. К нему ведет тайная тропа, но ее знают только хранители. Божество они зовут Акшобхья, что на их языке означает «непоколебимый». Мы не смогли проникнуть в сам храм: туда пускают только паломников, да и то – лишь в дни священных праздников. Но из разговоров тех, кому удалось в нем побывать, мы поняли, что у Акшобхьи тело синего цвета, в его руках колокольчик, драгоценный камень, лотос, на нем самом – три одея-

---

²¹ земли на северо-западе Индии (прим. автора)

ния, а рядом с ним – молитвенный барабан и меч. Местные жители говорят, что храму столько же лет, сколько солнцу и луне!

– Что они могут понимать в этом, неграмотные крестьяне, поклоняющиеся всю жизнь размаляванным каменным идолам? Сколько солнцу и луне! Ничто, кроме Всевышнего, не существует вечно! – презрительно усмехнулся Миргимола. – Эти неверные совершенно ополоумели. Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его!.. Продолжай, я слушаю! Да, и ты можешь подняться!

Говоривший медленно поднялся на ноги, разминая затекшие конечности, затем сделал шаг в сторону казначея и, согнувшись в глубоком поклоне, продолжал говорить по-прежнему вполголоса.

– Говорят, о, господин, что в незапамятные времена, когда храм уже существовал, местный раджа, моля Акшобхью о победе в сражении, преподнес храму в дар большой синий камень, хранившийся в его сокровищнице много лет...

– Большой? – снова быстро наклонился вперед Миргимола и жадно переспросил: – Насколько большой? И что за камень?

– Говорят, что камень в ширину почти полностью накрывает ладонь среднего человека, господин, – впервые за весь разговор распрямившись, ответил его посыльный, глядя прямо в глаза хозяину. Тон гонца изменился, стал совсем тихим и восторженным. – А в глубину – на три паль-

да той же ладони! Он прозрачен, а грани его отполированы и безупречны! Цвет его божественно синий, как и тело Акшобхьи...

– Что за камень? Сапфир? – довольно засопев, спросил Миргимола.

Таких крупных сапфиров в сокровищнице Кутуб Шахов еще не было. Этот камень стал бы ценным приобретением. И если он действительно так хорош, ему место не в сокровищнице, а в личной коллекции казначея...

– Нет, господин, – торжественным тоном произнес голец, бросив тайком взгляд на стоявших неподвижно стражников. – Местные называют его «ваджра»²², что означает...

– Молчи! – взвизгнул фальцетом Миргимола, тоже невольно оглянувшись по сторонам. – Глупец! Я сам знаю, что это означает!

Неслыханная удача ошеломила казначея. Он снова откинулся на подушки и погрузился в лихорадочные размышления.

В зале повисла тишина, лишь едва слышное шелестящее движение воздуха по трубам, проложенным в стене, нарушало ее.

Трубы постоянно смачивались водой из подземного резервуара, поднимаемой на верхние ярусы дворца системой хитроумных водяных насосов, и воздух, проходя по влажным трубам в стенах, охлаждался и, попадая в покои дворца,

---

²² «несокрушимый», «владыка камней», т.е. алмаз – санскрит (прим. автора)

освежал присутствующих, заставляя в жаркие летние месяцы забыть об иссушающем кожу зное, царящем снаружи.

Миргимола не мог поверить в свою удачу, что сама плыла к нему в руки. В каком-то старом храме у давно забытого божества какие-то старики хранят огромный синий алмаз, о котором теперь стало известно и ему!

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!.. Но почему алмаз синий?!

По мнению индийских мудрецов, алмазы образуются из пяти начал природы: земли, воды, неба, воздуха и энергии. Так говорили ему и сведущие в Ратнашастре²³ и Ратнапарикше²⁴ мандалины²⁵, у которых будущий казначей Кутуб Шаха учился разбираться в алмазах много лет назад, читая древние манускрипты. И он прекрасно помнил, как мандалины учили его распознавать алмазы по цвету:

«Алмаз имеет один из четырех цветов, в соответствии с его кастой. Алмаз, имеющий мягкое сияние цвета перламутра, горного хрусталя, лунного камня – Брахман. Тот, что слегка красный, коричневый, как обезьяна, красивый и чистый – зовется Кшатрием. Вайшья – блестящий и бледно-желтый. Шудра сияет, как полированный меч: знающие

---

²³ древнеиндийский трактат о драгоценных камнях (прим. автора)

²⁴ древнеиндийский трактат о способах оценки драгоценных камней (прим. автора)

²⁵ профессиональные оценщики драгоценных камней в средневековой Индии (прим. автора)

относят алмаз к четвертой касте, согласно его сиянию»²⁶.

Волшебные же и необъяснимые свойства самих алмазов, – как учили его мудрецы, – их способность приносить счастливому владельцу удачу также зависели от цвета, соответствующего одной из четырех основных индийских каст: алмаз Брахманов, разумеется, был самым ценным, поскольку эта каста – высшая. Он даровал власть и мудрость. Кшатрии – алмазы с красновато-бурым оттенком – давали все нужные качества воинам: смелость, физическую силу и несокрушимость в бою с врагом. Вайшья – алмаз торговцев – приносил удачу в торговле, защищал караваны во время долгих

---

²⁶ цитата из древнеиндийского трактата «Ратнапарикша» или «Оценка драгоценных камней» (прим. автора).

переходов по пустыням на шелковом пути, спасал от штормов в морских путешествиях, даря своим владельцам благосостояние, а Шудра – алмаз касты земледельцев – означал изобилие в садах и на полях: богатые урожаи фруктов, пшеницы, ячменя и риса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.